

Серьезная «Беспечность»

Творчество молодого прозаика Кирилла Азёрного (не достигшего, как шутят, гордясь талантом друга, его коллеги-ровесники, пока и возраста Лермонтова) пришлось по душе уральским книголюбам. Повесть «Беспечность», опубликованная в десятом номере журнала «Урал», была прочитана «местными обозревателями «толстяков», что называется, за один присест.

Кирилл вроде бы пишет в манере постмодернизма. Но очарование в том, что героем повествования, можно сказать, является язык, не имеющий ничего общего, между прочим, с постмодернистским ерничеством. А если расположить столбиками эту прозу, можно получить некий поэтический вариант, где каждый образ, троп, любого рода оригинальный афоризм вносит множественные смыслы в развертывание той или иной темы.

По словам самого автора, в своих произведениях он не ставит проблем, только ищет их, придерживаясь программы «искусство для искусства». Казалось бы, в его работах нет ни психологизма, ни социальной актуализации, присущей литературе реализма, сочинениям, призванным изменить мир, личность в лучшую сторону, но читатели, замороженные исследовательской, художественной свободой автора, делают интереснейшие для себя открытия и в плане традиционного письма. Они анализировали «сказ» про беспечность каждый на свой вкус. Не прошли мимо их внимания реакция работника культуры на «трехбуквенную роспись» в музее, удивление гуманиста, когда он, пройдя сквозь толпу детей в подzemке, остался без наличности в карманах...

Кирилл АЗЁРНЫЙ

Подобного рода реалий предостаточно в «Беспечности». Однако проницательный читатель увидел нечто большее, чем описание бытовой жизни «книжной гусеницы», «музейного жителя». Мысль героя повести, служителя музея, постоянно бьется над многими вечными вопросами времени, пространства, памяти.

«Не исследовано еще свойство предметов обращаться памятью», — так начинается повесть «Беспечность». Рефлексирующий экскурсовод, погруженный в прошлое, причем в давно прошедшее время, когда звучала, например, «флейта» Нерона, любовавшегося на пожар в Риме. «Какой извращенный синтаксис бытия меня туда завинтит?» — вопрошает рассказчик, обеспокоенный тем, что

фактов нет (то есть он там, в том времени, не был), а интерпретаций в мире на любой счет предостаточно. Разночтения сводят его с ума, так сказать. Разночтения не что иное, как дезинформация человека. Как быть? Можно ли в этом во всем разобраться?

Частная жизнь рядового обывателя, пусть и культурного, образованного, начитанного интеллектуала, но — обывателя, не борца, здесь налицо. «Жизнь — трансвестит, — между строк замечает лирический персонаж автора «Беспечности», — жизнь — открытка без обратного адреса. Жизнь никогда не смеется, она только улыбается...». Вопросов, естественно, больше, чем ответов. «А тишина смеялась... как стройный хор идиотов» — вставки тут и там весьма красноречивые. И — никакой дидактики. Только, условно говоря, джазовые ритмы и причудливые сочетания разнообразных красок, их оттенков. В сюжете повести присутствует картина с аналогичным названием «Беспечность» — на ней «облачное варево клякс и поверх всего — прямоугольник». Тоже своего рода моделирование жизни.

Коллега-филолог, увлекающаяся теорией постмодернизма, называет подобного рода тексты высшими этажами современной литературы. Может быть, в чем-то она и права. Но и подросток, назвавший все, что нашел в тексте современника, «приколизмом», также прав по-своему. Продолжим следить за творчеством молодого екатеринбургского прозаика, яркого представителя литературы новейшего времени. «Беспечность» — не первая его публикация и, думается, уж никак не последняя.